

ЧУДО НА НИТОЧКАХ

ТЕА- КУРЬЕР

Помните головокружительный зигзаг сюжета в фильме «Чудики», когда юный и пылкий Эртаоз и старый, умудренный ученостью и ударами судьбы Христофор оторвались от земли на своем «неболете»? Внизу остались черепичные крыши, купол храма, леса, раскинувшиеся по холмистой земле, железная дорога, на которой пыхтел как жу- жу игрушечный паровоз. И люди — они походили на забавных персонажей кукольной пьесы. Их суета и страсти, гнущие к земле заботы и возвышающие обманы выглядели с высоты равно детски-наивными и смешными... Тут всего нагляднее выразился характер отношений автора с его персонажами. В самом деле, какую бы историю ни сочинял Габриадзе для кино, он по особому дару держит дистанцию, с которой повседневный земной калейдоскоп открывается нам подобием кукольного действия. Почти буквально КУКОЛЬНОГО, во всяком случае, персонажи «Чудаков», с их чуть шаржированным обликом и гротескно-условной пластикой, будто вышли из мастерской кукольника.

Поэтому не надо даже спрашивать Резо Габриадзе, как получилось, что он, кинодраматург, связался с куклами. И так видно: марионетки были написаны на роду этому поэту, фантазеру и доброму пересмешнику.

Сначала он снял для Грузинского телевидения озорную короткометражку «Сны Каджорского леса», в которой действуют куклы-марионетки. Да как действуют! Другой актер так не сыграет!

Несовершенства первого опыта, даже если они были в этом фильме, с лихвой искупали куклы. Сделанные по эскизам Тенгиза Мирзашвили, они так чудны и так бо-

гаты в пластике, что понимаешь, почему Габриадзе решил бросить все, чем до этого занимался, и писать исключительно для них.

Его мечтой был театр марионеток, которым, он убежден, доступен любой репертуар, хотя бы и «Травиата» с «Севильским цирюльником». Осенью 1981 года в старом районе Тбилиси открылся такой театр. И первой в афишу попала «Травиата», точнее «Альфред и Виолетта» — так назвал Габриадзе свою восхитительно дерзкую переделку, пересадку на грузинскую почву классического сюжета. С этим спектаклем Театр марионеток отправился в свои первые гастроли — в Москву и Ленинград.

Едва поднимется занавес и три куклы, потешно изображая безделье, заведут праздный спор о Достоевском, Фрейде и... Буратино, на тебя слетит ощущение чуда — до того волнующ живую этот игрушечный мир. А уж когда выйдет на сцену прелестная грацией и нежным голоском Виолетта с огненно-красной шапкой волос и протянет к ней руки, махнув рукой на свою астрологию, очарованный Альфред, тут уже ты, считай, поселился в этой волшебной шкатулке. Тебя будут тоже расpirать восторги любви, и у тебя же набегут слезы, когда судьба разлучит влюбленных.

Забываешь, что перед тобой деревянные человечки — все пятьдесят минут ты в плену театральной поэзии, простодушной и эмоционально-заразительной. Затихает сострадающий зал, когда Альфред трясется в безутешном плаче, обнимая пустое кресло, а легкая, как вздох, уальска, вчерашнее их счастье, поднимается с пола и, повиснув над Альфредом, тихо укладывается за кулисы. И в другой сцене — когда щедрое сердце автора, в обход бухгалтерской логики, дарит пригитовившейся оставить этот мир больной Виолетте встречу со своим Альфредом. После прощальных поцелуев обе куклы так пластически выразительно бездыханно валятся на пол, что впору брать у них уроки живым актерам.

Нет повести печальнее на свете... Только «печальнее»? Нет, это был бы не Габриадзе, ведь у него давно и счастливо обрuchились нежнейшая лирика и смех. В «Альфреде и Виолетте» очень смешной диалог, где перемешались фразы из старинных любовных драм и... «визы», «симпозиумы», «школы-интернаты», нынешний жаргон. Смешны персонажи: друзья влюбленных, «вещая птица судьбы» ворон Невермор, отец Альфреда «товарищ Жермон», с которым в музыкальную партитуру спектакля прихотливо цитаты из оперы Верди. Наконец, веселит финал, в котором неугомонный автор, по праву искусства, оставляет в живых полюбившихся нам героев. А могилки, над которыми летают бабочки... Это те, из прошлого века, из оперы.

Самые лучшие слова хочется сказать этому молодому театру: его на зависть молодым актерам и сотрудникам, его — не то слово «молодому» — мальчишески-озорному и влюбленному в это чудо на ниточках создателю, руководителю, автору Резо Габриадзе.

А. ТРОШИН

Сам выдумывает пьесы, сам придумывает героев в них, сам задумал марионеточный театр и вместе с такими же, как он, тонкими, умными, одаренными добром друзьями создал его в «старом» Тбилиси.

Резо Габриадзе на этом снимке держит на руке своего Хечо. Куклу можно заставить делать все, но полюбив мастера она может только сама.

Куклы любят Резо. Резо любит сказку. Дети (и взрослые) любят сказку и кукол. Значит, должны любить и Резо Габриадзе.

Фото Ю. РОСТА

